

ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КАВКАЗА (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОСЕТИН)

Александр Михайлович Цалиев

Северо-Кавказский горно-металлургический институт (ГТУ), Владикавказ, РСО-Алания, Россия,
aronaron666@mail.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает основы традиционной правовой культуры народов Кавказа, на примере правовой культуры осетин, регулируемые нормами обычного права. По мнению автора, составными частями ее являются правосознание и социальное поведение, которое формируется и регулируется нормами обычного права. К ним автор относит такие обычаи как почитание старших, аталычество, гостеприимство, уважение к женщине, взаимопомощь, кровная месть. Утверждается, что большинство данных обычаев имело место и у других народов, но у осетин, с учетом их более чем четырехвекового замкнутого существования и жизнедеятельности в крайне суровых горных условиях приобрели свои особенности. В работе приводятся свидетельства, утверждение исследователей – путешественников о неизменности исполнения норм обычного осетинского права и неотвратимости ответственности за их нарушение. Используются логический, исторический, сравнительно-правовой, функциональный методы исследования.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, правовая культура, традиционная правовая культура осетин, обычное право осетин, обычай почитания старших, аталычество, гостеприимство, кровная месть, осетинские обычаи и их особенности

Для цитирования: Цалиев А. М. Основы традиционной правовой культуры народов Кавказа (на примере правовой культуры осетин) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 40–49. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-40-49>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

FUNDAMENTALS OF THE TRADITIONAL LEGAL CULTURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS (ON THE EXAMPLE OF THE LEGAL CULTURE OF OSSETIANS)

Alexander M. Tsaliev

North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (GTU), Vladikavkaz, RSO-Alania, Russia,
aronaron666@mail.ru

Abstract: In the article, the author examines the foundations of the traditional legal culture of the peoples of the Caucasus, on the example of the legal culture of the Ossetians, regulated by the norms of customary law. According to the author, its components are legal awareness and social behavior, which is formed and regulated by the norms of customary law. Among them, the author refers to such customs as the veneration of elders, atalychestvo, hospitality, respect for a woman, mutual assistance, blood feud. It is argued that most of these customs took place among other peoples, but the Ossetians, taking into account their more than four-language closed existence and life activity in extremely harsh mountain conditions, acquired their own characteristics. The work provides evidence, the statement of researchers – travelers about the immutability of the implementation of the norms of ordinary Ossetian law and the inevitability of responsibility for their violation. Logical, historical, comparative-legal, functional research methods are used.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, legal culture, traditional legal culture of Ossetians, customary law of Ossetians, the custom of honoring elders, atalychestvo, hospitality, blood feud, Ossetian customs and their features

For citation: Tsaliev A. M. Fundamentals of the traditional legal culture of the peoples of the Caucasus (on the example of the legal culture of Ossetians). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):40–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-40-49>

Большинство исследователей современной цивилизации, наряду со значительными успехами в медицине, в военной сфере, освоение новых технологий в разных сферах производства, достижения в космосе, создание искусственного интеллекта и других успехов, бесспорно характеризующие сегодняшний уровень развития человечества, все чаще отмечают и негативные его последствия. В числе их деградация духовно-нравственного состояния современных обществ, кризис культуры, обесценивание человеческой жизни, игнорирование, а то и утрата традиционных норм неписаного права, особенно в международных отношениях. Циничный эгоизм и корыстолюбие все больше утверждаются в мотивации социального поведения и человеческих отношениях. В этой связи все чаще вспоминают эпоху возрождения, период сакрализации гуманистических идей, времена, когда в полной мере действовали такие прогрессивные нормы обычного права народов Кавказа, как уважение, а точнее, почитание старших, аталычество, гостеприимство, уважение к женщине, взаимопомощь и т.д., социальная база которых ныне все более сужается.

В связи со сказанным хотелось бы напомнить слова из выступлений Президента России В. В. Путина о том, что новации не означают отрицание традиции, они есть его продолжение, развитие. Мы с уважением относимся к обычаям, отмечает он в другом своем выступлении. На социальную ценность норм неписаного права обращает внимание Председатель Конституционного суда России В.Д. Зорькин. По его мнению, неписаные законы, составляют корневую основу в любой государственно-правовой системе. Мы должны, отмечает он, серьезно, ответственно и бережно учитывать и использовать сохранившиеся в российской социальной ткани неписаные нормы здоровой массовой моральной регуляции. Делать это должны хотя бы потому, что только они, по большому счету, реально восполняют все еще недостаточную эффективность законодательного правового регулирования [1, с. 2]. Вполне очевидно, что для эффективного урегулирования общественных отношений, особенно в традиционном обществе, каковым во многом продолжают оставаться северокавказские республики, должны быть задействованы нормы обычного права. По мнению Д. Ю. Шапсугова, с чем следует согласиться, правовая система обеспечения мира на Северном Кавказе должна формироваться на всех уровнях социальной организации и найти свое отражения... в восстановлении роли обычного права, поскольку его игнорирование означает отрицание преемственного правового мира развития на Северном Кавказе [2, с. 585].

Специалисты отмечают, что обычаям «следовали не потому, что сила традиции подавляла человека. Ему подчинялись потому, что он был внутренне вплетен в огромную живую сеть взаимоотношений, устроенную дотошным и организованным образом» [3, с. 98]. Аналогичное понимание обычая и силы его воздействия дается и во многих других литературных источниках. Такое толкование норм обычного права ныне все чаще признается обоснованным.

Сказанное еще более актуализирует тему недавно прошедшей в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХ и ГС XI Международной научной конференции на тему «Правовая культура народов Кавказа как творческий синтез взаимодействия цивилизаций». На стыке цивилизации, как правило, происходят значительные изменения, в том числе, в правовой культуре, таких составляющих ее частей как правосознание и социальное поведение, а также в правовой системе. Разве сейчас в правовой системе Российской Федерации, в связи с двойными западными стандартами в политике и международном праве не формируется прагматический подход и объективная оценка места и роли общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров? Вопрос чисто риторический, ибо если в редакции ельцинской Конституции (ст. 15) явно преувеличивают их место и роль, то в путинской обновленной Конституции РФ предусматривается, что «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации» (ст. 79 Конституции РФ). Да и отношение к общепризнанным принципам и нормам международного права

в практической политике, в правовой культуре многих стран, на примере западных во главе с их гегемоном – США, меняется, поскольку формируется новая социально-правовая действительность, обусловленная цивилизационными изменениями и не всегда позитивного характера. В них все больше преобладает циничное и корыстное отношение и поведение, особенно, если они связаны с политикой.

В связи со сказанным, следует согласиться с тем, что цивилизованный подход к государственно-правовым явлениям и процессам придает серьезное значение категории «правовая культура», получившей достаточно широкое распространение в теории и на практике современной юриспруденции [4, с. 6]. Неслучайно специалисты отмечают, что правовая культура – исторически развивающееся мироощущение и использование накопленных правовых ценностей. Один из современных известных юристов США Л. Фридмэн пишет: «Правовая культура – это барометр жизни, являющийся и общественной силой, который определяет, как часто тот или иной закон применяется или нарушается на практике, как его избегают или как им злоупотребляют. Правовая система без правовой культуры не действует» [5, с. 117].

Понятие правовая культура социально-востребована и широко исследуемая юридическая категория и видимо поэтому насчитывается около 250 различных определений правовой культуры. Однако во многих учебниках по теории государства и права, предметом исследования которой она является, вообще не упоминается это понятие, чему можно удивляться. В юридической энциклопедии отмечается, что правовая культура в узком смысле охватывает характерные для данной общности (личности) правовые ориентации, убеждения, ценности, образцы юридически значимого поведения, оценки действующего права и правовых институтов. В большом юридическом словаре, на наш взгляд, дается более удачное и широкое определение правовой культуры, под которой понимается система ценностей, правовых идей, убеждений, навыков и стереотипов поведения, правовых традиций, принятых членами определенной общности (государственной, религиозной, этнической) и используемых для регулирования их деятельности и отношений [6, с. 571].

Наряду с современной правовой культурой, которая формируется в рамках писаного права, существует еще традиционная правовая культура, основанная на нормах неписаного права – обычаях. В историческом плане она начала формироваться значительно раньше, тогда же, когда начали складываться обычаи в более-менее единую правовую систему. Можно выделить наиболее характерные черты традиционной правовой культуры народов Кавказа. Это обязательное знание норм обычного права; убежденность в их социальной необходимости, ценности и полезности; неотвратимость наступления ответственности за их нарушения, начиная с общественного осуждения и заканчивая самыми строгими мерами наказания; традиционное посредническое судопроизводство; добровольное соблюдение и исполнение норм обычного права. Последнюю черту в литературе нередко называют правопослушанием, которое профессор С. Р. Чеджемов правильно считает важным элементом правовой культуры [7, с. 26].

Указанные черты свойственны и для осетинской традиционной правовой культуры, но в более выраженном виде, поскольку они формировались в невероятно суровых условиях жизни осетинского народа. Борьба их прямых предков – алан на территории Центрального Кавказа, против неоднократно превосходящих монголо-татарских войск и совершаемых ими нашествий в XIII в. закончилось их полным разгромом. Оставшееся небольшое количество алан-осетин были заперты в горных ущельях Центрального Кавказа, по обе стороны Главного Кавказского хребта, оставшись так и непокоренными. Строжайший контроль монголо-татарскими войсками над выходами из горных ущелий, а затем контроль грузинской и кабардинской знати плоскостной части земли и жизнь в автономных суровых горных условиях определяли особенности правосознания и социального поведения как составных частей правовой культуры. Историк Д. Лавров, наблюдавший долгое время за бытом и поведением осетин, писал: «Материальные лишения, экономическая непроизводительность, составляющей подкладку политической жизни осетинского племени в продол-

жительный период его существования в кавказских горах отразились весьма значительно на своеобразном суровом спартанстве обычаев и привычек осетин, воздержанности их в образе жизни и вообще в сильном предубеждении к излишеству и баловству» [8, с. 217].

Как отмечают специалисты, в XIV-XV вв. происходит окончательное оформление этнического типа и основных черт культуры и быта осетин. С XIV в. мы уже вправе говорить не об аланах-овсах, а об осетинах как сложившейся устойчивой этнической общности со своей четко очерченной территорией, языком, экономикой, правом и культурой [9, с. 330]. Начиная с этого периода, дальнейшее развитие получают нормы обычного права применительно к новым условиям жизнедеятельности в горах. Последнее обстоятельство оказывает заметное влияние на традиционную правовую культуру осетин. Даже и по настоящее время усматриваются особенности правосознания и социального поведения осетин, живущих в горах и на равнине. Горские осетины все больше придерживаются традиционной правовой культуры.

Правосознание и нормы обычного права осетин давно стали предметом интенсивных исследований как местных, так и приезжих ученых. Среди них, в первую очередь, следует выделить В. Пфаффа, немца по национальности и прожившего в Осетии более трех лет. Он преподавал во Владикавказском реальном училище историю, географию, немецкий язык с 1869 г. по 1871 г. и в указанное время, не ограничиваясь теоретическими изысканиями, совершил несколько продолжительных экспедиций по горным районам Кавказа. Собранный В. Пфаффом материал (описание быта, сведения о судопроизводстве, о различных отраслях права, местные легенды), стал основой написания его книги «Народное право Осетин», опубликованной в двух томах в 1971–1972 гг., и которой в этом году отмечают в Осетии 150-летний юбилей ее издания.

Профессор, заслуженный деятель науки РФ Л.А. Чибиров посчитал материал ученого исключительно ценным, в том числе и потому, что это было время после присоединения Осетии к России, когда еще не произошло массового переселения горцев на равнину, и патриархально-родовой уклад осетин-горцев оставался еще практически нетронутым цивилизацией. Он же отмечает, что В. Пфафф – первый профессиональный этнограф-осетиновед. И до него писали об осетинах, появлялись статьи в периодической печати, но их авторами были люди, не выезжавшие на места за сбором этнографического материала, авторы, которые зачастую черпали сведения из вторых рук, либо их материалы порою представляли собой перепевы ранее опубликованного другими авторами [10, с. 88].

В. Пфафф глубоко увлекся осетинским обычным правом, поскольку он правильно считал, что оно имеет значение для разъяснения некоторых основных идей и начал науки вообще, что уже с давних пор юристы допускают как исключительно и бесспорно принятую аксиому, что законодательство и право какого-либо народа без истории вовсе неудобно-объяснимо. В этой связи активное использование им сравнительно-исторического и сравнительно-правового исследования вполне оправданно и ощутимо при раскрытии норм обычного права и традиционной правовой культуры. Проанализировав их, и непосредственно наблюдая за поведением осетин, он писал, что «у осетин нет законов, но весь порядок их общежития основывается на обычаях, которые действуют со всей силой неизменных законов природы, не позволяющих ни малейшего отступления от них и ни малейшего исключения» [11, с. 169]. При этом, знание обычаев по-осетински – «æгъдау», являлось такой же необходимостью для осетина как воздух, а его неисполнение восстанавливало против него всех людей. Н.Г. Берзенов, подчеркивая такую особенность обычая, писал: «У осетин обычаи заменяют законы. Осетин, нарушивший общечеловеческие права, никогда не нарушает обычая, утвержденного давностью и осужденный приговором общества, без сопротивления склонится перед карающим обычаем, без ропота понесет наказание» [12].

Сказанное в полной мере относится и к традиционной правовой культуре осетин. Даже после вхождения Осетии в состав России, включение ее в российское правовое, административное, социокультурное и хозяйственное пространство традиционные культуры проявили жизнеспособность, основанную на глубинных уровнях этнического мироощущения и сознания [13, с. 5].

Спустя пятнадцать лет, с учетом содержания работы В. Пфаффа и собственного исследования М.М. Ковалевский, ученый европейского уровня, написал общеизвестную и общепризнанную работу «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении». (М., 1886 г.). На данную работу ссылался К. Маркс и некоторые ученые европейских стран, не говоря об отечественных.

Исследование обычного права и формируемая на его основе традиционная правовая культура и полноценные знания о них важны не только для обогащения научного наследия, но и для правильного решения практических задач, стоящих в настоящее время перед государством. В литературе правильно отмечается, что изучение традиционной правовой культуры нацелено на понимание древних юридических традиций, конкретных этносов, их правосознания, возможностей использования накопленного опыта в правотворческом процессе, урегулирование конфликтов и спорных ситуаций [14, с. 10]. Для российского многонационального государства, которому присуще разнообразие духовных, культурных, конфессиональных и правовых традиций, изучение традиционной правовой культуры чрезвычайно важно и необходимо. В связи с этим темой своего научного интереса выбрал традиционную правовую культуру осетин. При ее исследовании использовались такие известные методы исследования, как исторический, логический, сравнительно-правовой, функциональный. В историко-правовых исследованиях, как правильно отмечает Э. К. Джамалова, функциональное преломление использования диалектического метода проявляется, прежде всего, в следующем.

Во-первых, его конструктивные базисы позволяют проследить развитие тех или иных закономерностей и особенностей формирования правовой культуры народов Дагестана на различных ступенях ее развития.

Во-вторых, воспроизвести объекты правовой культуры народов Дагестана (памятники обычного права, институты адатского права, свободные общества, правовая система Дагестана и ее элементы) в их противоречивом единстве.

В-третьих, рассмотреть элементы правовой культуры народов Дагестана в непосредственной взаимосвязи друг с другом и с внешней средой [15, с. 10].

На наш взгляд, сказанное следует иметь в виду при исследовании традиционной правовой культуры народов Кавказа. Будет правильным утверждение о том, что она, в том числе в Осетии в историческом плане, особенно в XV–XIX вв. начала складываться на основе норм обычного права. За указанный период, – около пяти веков, как утверждают создатели цивилизационной теории, происходит формирование духовного и социального механизма цивилизации, в ходе такого становления устраняются течения, не выдержавшие проверки временем, созревают и утверждаются те, которые отвечают социальным и цивилизационным запросам. В любом случае требуется та основа, которая обеспечивает формирование и функционирование духовного и социального механизмов, отмечается в литературе.

Традиционная правовая культура в рассматриваемый период формировалась исключительно на основе норм обычного права и практики судопроизводства и была достаточно развита и во многом идентична у народов Кавказа, с небольшими особенностями у каждого из них. Рассмотрим некоторые основные нормы обычного права, ставшие основой Кавказской правовой культуры. В первую очередь, это обычай почитания старших и, по нашему мнению, старейший из обычаев догосударственной жизни, возникшей еще в патриархальный период человеческого общежития. Однако вряд ли найдутся письменные и материальные источники, подтверждающие данную версию. Но в аналогичных ситуациях, методы исследования для достижения истины, помимо обычного, традиционного познавательного процесса предполагают более активно прибегать к логическому методу исследования, что часто используют философы, особенно древнегреческие. В данном случае, прибегая к логическому методу мышления, приходим к выводу о том, что обычай почитания старших возник в силу того, что люди старшего возраста с учетом жизненного опыта лучше разбираются в вопросах жизнедеятельности, больше способны к рациональному мышлению и, следовательно, определению соответствующих необходимых норм социального поведения

в тех или иных ситуациях. Все это и предопределяет социальный статус старших в обществе, необходимость уважительного отношения к ним, что укрепляет преемственность поколений, их историческую и социальную связь.

Обычай почитания старших существует у всех народов Кавказа, но особенно развит был у осетин, поскольку, как уже отмечалось выше, они жили в невероятно сложных суровых горных условиях. Поэтому жизненный опыт старших имел особое значение для младших, поскольку подсказывал те или иные оптимальные формы поведения в разных природно-климатических и социальных условиях жизни. В историческом плане рассматриваемый обычай возник в силу патриархального подчинения младших старшим. Известный историк проф. А.Х. Магомедов отмечает, что одной из основ родового быта осетин являлось подчинение главе – старейшему рода во всем, а затем и старшему в семье. Ему оказывали различные знаки внимания, послушания. Для решения семейного и общественного вопроса достаточно было лишь мнение старшего. Слово старшего, его мнение воспринимались остальными членами родового или семейного коллектива как должное [16, с. 453–454]. Так возник и развился обычай почитания старших, ставший со временем нормой обычного права и одним из элементов традиционной правовой культуры осетин. При этом почитание старших выражалось независимо от социального положения, национальной принадлежности. Чувство глубокого уважения к старшему у детей начинали воспитывать с самых ранних лет. В. Пфафф отмечает, что внушение младшему уважения и к старшему, и к своему отцу – единственная у осетин цель первоначального воспитания младенцев [11, с. 185].

Л.А. Чибиров правильно пишет, что о степени воспитанности человека, его культуры в осетинском обществе принято было судить прежде всего по его отношению к старшим [25, с. 509]. На его взгляд, высказанное С. Фарваровским мнение о том, что осетины – самый этикетный народ, не лишено оснований, поскольку нормы поведения людей по отношению к старшему свидетельствуют о высоком уровне культуры народа.

Из многочисленных свидетельств об этом путешественников и следователей дореволюционного быта осетин приведем лишь слова Н. Ф. Дубровина, который подчеркивает наиболее характерные черты этого обычая. «Основую семейного быта осетин, – говорит он, – служит уважение к старикам и вообще к людям пожилых лет. Уважение это простирается до того, что каждый считает неременною своею обязанностью вставать при входе старшего и приветствовать его, хотя бы он был и низшего происхождения. Учтивость эта, никогда не нарушаемая, соблюдается в семействе с особою строгостью!» [17, с. 368].

Социальная ценность и востребованность данной нормы обычного права к настоящему времени стала настолько очевидной и актуальной, что п. 4 ст. 67.1 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2021 г. закрепляется положение об *уважении к старшим*.

Высокого социального и государственно-правового внимания и признания ныне находит и институт семейного воспитания. В прошлом он имел место у многих народов Кавказа и именовался как обычай аталычества. Оно, как отмечается в известной книге «История народов Северного Кавказа», написанной крупнейшими учеными-кавказоведами бытовало среди адыгов, абазин, осетин, карачаевцев и других народов Северного Кавказа [18, с. 475]. Суть его сводится к тому, что родители, ради воспитания достойных детей, лишали себя естественной родительской любви и привязанности к ним, что нередко приводит к послаблению воспитательного процесса, отдавали их в чужие семьи до совершеннолетнего возраста. По истечении срока воспитания аталык в сопровождении ближайших родственников возвращал хъана, с осетинского – мальчик, оставляемый на воспитание в чужую семью, в его родительский дом, где в торжественной обстановке происходила передача юноши родным и всему его роду. При этом юноша должен был в присутствии многочисленной толпы продемонстрировать все то, чему его обучал аталык, включая знание норм обычного права [19, с. 199]. Отмечу, что среди 11 генералов-осетин Российской Императорской царской армии немало тех, которые прошли через институт аталычества.

С развитием человечества и формированием новой цивилизации со своими достоинствами и недостатками, заметным ослаблением традиционных ценностей и норм обычного права, тем не менее, все больше осознается социальная ценность семьи и социального воспитания. Неслучайно в п. 4 ст. 67.1 обновленной Конституции Российской Федерации предусматривается *приоритет семейного воспитания*.

Значительному развитию аталычества, как и другому кавказскому обычаю – гостеприимству, у осетинского народа способствовала его толерантность и склонность к космополитическому образу жизни. Об этом свидетельствует то, что многие осетины живут в разных регионах бывшего Советского Союза, Российской Федерации, в разных государствах и в самой Осетии с небольшой территорией проживают более 110 национальностей с разной культурой, бытом, обычаями и традициями, имеют больше всего межнациональных браков, придерживаются разных религий, преимущественно – христианство. Неслучайно, основоположник литературного осетинского языка известный осетинский поэт К.Л. Хетагуров, писал:

**«Весь мир – мой храм,
Любовь – моя святыня,
Вселенная – отечество моё!»**

Такое восприятие мира и место в нем себя, конечно же, стали основой формирования обычая гостеприимства и придания ему чуть-ли не сакрального значения. Нарушение его считалось большим позором не только для самого виновника и его родственников, но и для всех его ближайших однофамильцев. Если даже гостем оказывался враг хозяина, но успевал сказать – «Я – ваш гость», хозяин обязан был оказать ему все почести, накормить его и проводить до конца села, охраняя его безопасность и оберегая его от всяких невзгод и неприятностей. Прекрасный знаток Осетии Вахушти Багратиони отмечал: «Осетины умеют воздавать почести даже чужестранным гостям и невинно охранять их, никто не смеет причинить вред чьему-либо гостю, ибо за него положит голову вся фамилия» [20, с. 228].

Согласно данному обычаю полагалось преподнести почетный бокал гостю – застольный ритуал, которого придерживаются и до сих пор в Осетии. По мнению В. Пфаффа, данный обычай – явление, которое включает в себе «Отражение высочайшей нравственной цивилизации золотого века осетин» [11, с. 184]. Он имеет настолько прочный нравственный и исторический фундамент, что не нуждается в подкреплении какими-либо конституционными нормами.

Среди норм обычного права особое место занимает *кровная месть*, что имела место у многих народов и не только России. В данном случае отметим, что все путешественники-исследователи культуры и быта осетин отмечали наличие обычая кровной мести и освещали различные его аспекты. Так, Ю. Клапрот пишет: «Кровная месть, распространенная вообще по всему Кавказу, соблюдается также у осетин с чрезвычайной строгостью, так что редко случается, чтобы от нее можно было откупиться» [21, с. 160]. Этот страшный закон, который зачастую бушует между двумя семьями в течение столетий, получил у осетин свое самое высшее развитие, и каждый, самый незначительный проступок напоминает о нем. Если у черкесов только кровь искупается кровью, то за любое оскорбление, нанесенное осетину, должна быть пролита кровь» [21]. М. М. Ковалевский сравнивает причины и способы мести с законодательствами других народов, в частности, он приводит Салическую правду, Чешское право. Исследователь утверждает, что осетинское уголовное право способно служить иллюстрацией к любому из арийских законодательств [22, с. 4].

Например, нельзя было без последствий сорвать с головы мужчины шапку и бросить ее на землю. «На такой поступок осетин обычно отвечал убийством, так как головной убор считался у горцев символом мужского достоинства» [21, с. 161]. Шапка в глазах осетина – символ мужества, силы, отваги. Нанесение удара палкой или плетью осетины считали оскорблением, за который обычай осетин предусматривал в качестве меры наказания убийство.

В. Пфафф, изучая обычное право осетин писал: «Кровная месть, т.е. смертная казнь за убийство, по осетинскому коренному праву, назначалась непременно в следующих случаях: за обдуманно-коварное убийство, совершенное из корыстных побуждений; за обдуманно-открытое убийство во всех его степенях; за чисто случайное убийство во всех тех случаях убийства, которые называются «убийство из чувства самосохранения» [12, с. 271].

При осуществлении акта кровной мести осетины нередко старались убить не самого убийцу и даже не ближайшего его родственника, а наиболее почетного и авторитетного из фамилии, ибо при решении вопроса посредниками о примирении кровников имело значение не только равное число убитых, но и личность убитого.

Необходимо брать в расчет нравственные категории горской морали, согласно которым убийство человека на почве мести было не преступлением, а своеобразным долгом, делом чести, только свершив которое, горец мог вновь общаться с людьми, уверенно чувствовать себя в обществе. Отомстивший родственник, кровомститель (тугисæг – букв. «берущий кровь») пользовался уважением в общине, он повышал свой личный авторитет и авторитет семьи. К. Кох описывает нам поведение кровника: «Днем и ночью размышляет исполнитель кровной мести о подходящем случае для выполнения своего приговора. До тех пор он избегает игр своих друзей, не принимает участия в опасных разбойничьих набегах для того, чтобы не потерять зря свою жизнь, которая для него теперь особенно дорога; он покидает семейный очаг и устремляется на простор с мыслями об убийстве, которые одни теперь его занимают... страшно смотреть на человека, который в течение года вынашивает в себе мысль об убийстве и не осмеливается от нее отказаться, пока убийство не совершено. Когда это ему, наконец, удастся, он радостно возвращается в отцовский дом и приносит в жертву на могиле искупленного козу или овцу... Мститель возвращается снова к своим и его встречают с большим ликованием. Для него начинается новая жизнь, он предается опять веселью... Но теперь он сам обречен на смерть, так как, ближайший родственник убитого - мужчина должен мстить за его гибель» [23, с. 257]. Поэтому в Осетии, наряду с покойником оплакивали и того, кто его убил.

Длительное существование обычая кровной мести обуславливалось религиозными верованиями, в частности, культом предков. По традиционным воззрениям, убитый требовал от родственников не только пищи и одежды, якобы необходимых ему на том свете, но и мести за кровь. Убитый не мог попасть в рай прежде, чем его кровь не будет отомщена кровью убийцы. В более ранний период, поймав убийцу, мстители убивали его на могиле жертвы, якобы для того, чтобы напоить ее кровью.

Обычай кровной мести регулировался целым рядом норм и предписаний, касающихся поведенческих форм потерпевшей и виновной сторон. Так, кровная месть не распространялась на детей, стариков, больных и женщин. Однако женщины виновной стороны тоже придерживались определенных поведенческих регламентаций – не ходили на мельницы, которые посещала потерпевшая сторона, а в случае встречи – отходили в сторону, уступали дорогу. М. А. Мисиков пишет, что из-за кровной мести женщин никто не беспокоил; но женщины двух враждовавших семей между собой не общались, не разговаривали и даже не смотрели друг на друга [24, с. 81].

Не углубляясь в данной работе в исследование кровной мести, подчеркнем, что все исследователи данного обычая считают его важнейшим социальным регулятором защиты человека и его имущества, а, следовательно, необходимого в традиционном обществе рассматриваемого периода.

В заключение отметим, что создаваемые столетиями, а то и более, нормы обычного права, составляющие основу традиционной правовой культуры, остаются востребованными и в настоящее время, уверен и в будущем. Они, дополняя нормы обычного права, продолжают регулировать те или иные общественные отношения. Неслучайно, некоторые из них ныне закреплены на конституционном уровне. Но и другие нормы обычного права – уважение к женщине, взаимопомощь и т.д. не теряют своей социальной ценности. Это свидетельствует о значимости и актуальности дальнейшего исследования норм обычного права как важных социальных регуляторов правовой жизни народов Кавказа.

Список источников

1. Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития (к 20-летию Конституции РФ) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 1. С. 3–21.
2. Шапсугов Д. Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. М.: Юрист, 2003. 685 с.
3. Свечникова Л. Г. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы (на материалах юридической и этнологической наук) // Государство и право. 1998. № 9. С. 98–102.
4. Муртазалиев А. М. Повышение правовой культуры как актуальная задача современности // Вестник Дагестанского государственного университета. 2013. Вып. 2. С. 5–10.
5. Фридмэн Л. Введение в американское право. М., 1992. 286 с.
6. Большой юридический словарь. Под ред. А.Я. Сухарева. М., 2007. 858 с.
7. Чеджемов С.Р. Правопослушание как результат правовой аккультурации на Юге России до революционных событий 1917 г. (по материалам истории осетинского народа) // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 25–33
8. Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах. СМОМПК. Вып. III.
9. История Осетии (с древнейших времен до конца 18 века). Владикавказ, 2019. 498 с.
10. Чибиров Л. А. Исторические портреты. Вальдемар Пфафф – предшественник В.Б. Миллера в научном осетиноведении // Известия СОИГСИ. № 7 (46). 2012. С. 88–94.
11. Пфафф В. Народное право осетин. ССК. 1871.
12. Берзенов Н. Г. Очерки Осетии // Газ. «Кавказ». 1850. № 063.
13. Канукова З. В. Традиции в современном осетинском обществе. Владикавказ. 2018.
14. Сушкова Ю. Н. Место обычного права мордвы в народной юриспруденции // Проблемы в российском законодательстве. 2018. № 7. С. 10–15.
15. Джамалова Э. К. Методологические проблемы исследования правовой культуры народов Республики Дагестан // Вестник ДГУ. 2011. № 3. С. 9–11.
16. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968. 568 с.
17. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. СПб., 1871.
18. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. Под ред. В. Б. Пиатровского. М., 1998.
19. Калоев Б. А. Осетины. М., 1971. 360 с.
20. Вахушти Багратиони. История царства грузинского. Тб. 1955.
21. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967.
22. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Т. 2.
23. Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. // Осетины глазами русских иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
24. Мисиков М. А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ, 2011. 157 с.
25. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ, 2002.

References

1. Zorkin V. D. Problems of constitutional and legal development (to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Bulletin of Moscow University. Episode 11: Right*. 2014;(1):3–21. (In Russ.)
2. Shapsugov D. Yu. Problems of theory and history of power, law and state. Moscow: Lawyer; 2003. 685 p. (In Russ.)
3. Svechnikova L. G. The concept of custom in modern science: approaches, traditions, problems (based on the materials of legal and ethnological sciences). *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 1998;(9):98–102. (In Russ.)
4. Murtazaliev A. M. Increasing legal culture as an urgent task of our time. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Dagestan State University*. 2013;(2):5–10. (In Russ.)
5. Friedman L. *Introduction to American law*. Moscow; 1992. 286 p. (In Russ.)
6. *Large Legal Dictionary*. (Ed.) A. Ya. Sukharev. Moscow; 2007. 858 p. (In Russ.)

7. Chedzhemov S. R. Law enforcement as a result of legal acculturation in the South of Russia before the revolutionary events of 1917 (based on the materials of the history of the Ossetian people). *Zhurnal Rossiiskogo prava = Journal of Russian law*. 2017;(11):25–33. (In Russ.)
8. Lavrov D. *Notes on Ossetia and Ossetians*. SMOMPК. Issue III. (In Russ.)
9. *The history of Ossetia (from ancient times to the end of the 18th century)*. Vladikavkaz; 2019. 498 p. (In Russ.)
10. Chibirov L.A. Historical portraits. Waldemar Pfaff is the predecessor of V.B. Miller in scientific Ossetian studies. *News of SOIGSI*. 2012;7(46):88–94. (In Russ.)
11. Pfaff V. *Ossetian People's Law*. SSK. 1871.
12. Berzenov N. G. *Essays of Ossetia*. Kavkaz. 1850;(063). (In Russ.)
13. Kanukova Z. V. Traditions in modern Ossetian society. Vladikavkaz, 2018. (In Russ.)
14. Sushkova Yu. N. Place of customary Mordovian law in folk jurisprudence. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2018;(7):10–15. (In Russ.)
15. Dzhamalova E. K. Methodological problems of studying the legal culture of the peoples of the Republic of Dagestan. *Vestnik DGU = Bulletin of DSU*. 2011;(3):9–11. (In Russ.)
16. Magometov A. Kh. *Culture and life of the Ossetian people*. Ordzhonikidze; 1968. 568 p. (In Russ.)
17. Dubrovin N. F. *History of the war and rule of the Russians in the Caucasus*. Т. 1. St. Petersburg; 1871. (In Russ.)
18. *The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century*. (Ed.) V. B. Piatrovsky. Moscow; 1998. (In Russ.)
19. Kaloev B. A. *Ossetians*. Moscow; 1971. 360 p. (In Russ.)
20. Vahushti Bagrationi. *History of the Georgian kingdom*. Tbilisi; 1955. (In Russ.)
21. Klaprot Yu. *A trip to the Caucasus and Georgia, undertaken in 1807-1808*. OGRIP. Ordzhonikidze, 1967. (In Russ.)
22. *Kovalevsky M. M. Modern custom and ancient law. Customary law of Ossetians in historical-comparative coverage*. Moscow; 1886. Т. 2. (In Russ.)
23. Koch K. Journey through Russia to the Caucasian Isthmus in 1837 and 1838. *Ossetians through the eyes of Russian foreign travelers*. Ordzhonikidze, 1967. (In Russ.)
24. Misikov M. A. *Ethnographic information about Ossetians*. Vladikavkaz; 2011. 157 p. (In Russ.)
25. Chibirov L. A. *Traditional Ossetian spiritual culture*. Vladikavkaz, 2002. (In Russ.)

Информация об авторе

А. М. Цалиев – докт. юрид. наук, проф., зав. кафедрой публичного права и органов власти Северо-Кавказского горно-металлургического института (ГТУ), Заслуженный юрист РФ

Information about the author

A. M. Tsaliev – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Public Law and Government of the North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (GTU), Honored Lawyer of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.05.2022; одобрена после рецензирования 03.06.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 19.05.2022; approved after reviewing 03.06.2022; accepted for publication 06.06.2022.